

ЛЕДЯНОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

ГРИММ

ГРИММ

ЛЕДЯНОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

ДЖОН ШИРЛИ

ОСНОВАНО НА ТЕЛЕВИЗИОННОМ СЕРИАЛЕ
СТУДИИ UNIVERSAL

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Ш64

John Shirley
GRIMM: THE ICY TOUCH

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Ltd.

Перевод с английского *Екатерины Лозовик*
Дизайн обложки *Андрея Смирнова*

Ширли, Джон.

Ш64 Гримм. Ледяное прикосновение : [роман] / Джон Ширли. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 288 с. — (Гримм).

ISBN 978-5-17-095609-8

18 июня 1815 года в лесу под Ватерлоо сошлись в смертельной схватке бывшие союзники-бонапартисты Альбер Денсво и Иоганн Кесслер. Австриец и немец. Хищник и охотник. Существо и Гримм. Первый проиграл, второй выиграл. Но сын погибшего выжил и поклялся отомстить не только убийце, но и всему его роду.

И вот, уже в наши дни, детективу Нику Бёркхарту, совмещающему службу в полиции Портленда с деятельностью Гримма, поручают расследование серии жестоких убийств. Ник и его напарник Хэнк Гриффин выходят на след «Ледяного прикосновения» — международного преступного картеля, во главе которого стоят Существа. И у его лидера давний счет к детективу Бёркхарту...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Copyright © 2013 by Universal City Studios
Productions LLLP
Grimm is a trademark and copyright of Universal
Network Television LLC
Licensed by NBC Universal Television Consumer
Products Group 2013
All Right Reserved
Cover images © Universal Network Television LLC
Additional cover images © Dreamstime
© Е. Лозовик, перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-095609-8

Всем поклонникам «Гриммов»

— Вы не знаете, здесь ли живет мой жених? — спросила девушка.

— Бедное дитя, — отвечала ей старуха, — ты и не представляешь, куда попала.

Это разбойничий притон!

*Ты надеешься на радостную встречу,
но здесь всех пришедших встречает
только Смерть!*

Братья Гримм. «Разбойник-жених»

ПРОЛОГ

ФРАНЦИЯ, 1815 ГОД

Давным-давно Гримм отправился в путешествие вместе с императором...

Холодный весенний рассвет застал их возле мыса Антиб. Небольшая флотилия — всего шесть кораблей — бросила якорь в бухте Жуан, в 147 милях к северу от острова Корсика, где сорок лет назад началась история опального ныне императора Бонапарта. Сейчас он вместе с остальными встречал восход на борту флагмана — брига «Непостоянный».

Было 1 марта 1815 года.

Иоганн Кесслер ждал императора в шлюпке, которая должна была доставить его на французскую землю. Смуглолицый, темноглазый, он являл собой образец невозмутимости. Никто бы не догадался, что за внешним спокойствием скрывается настоящая буря, причиной которой был один из спутников Кесслера — Альбер Денсво, сидевший сейчас с ним по соседству. Вот ведь ирония: Денсво был *Существом*, Ищейкой. Кесслер узнал об этом совсем недавно, когда Денсво на секунду потерял контроль, открыв свою истинную природу.

Европа уже несколько лет зачитывалась сказками братьев Гримм: легендами об оборотнях, ведьмах, драконах. Но лишь единицы во всем мире знали, что эти истории — не вымысел. Сами братья были уверены, что просто коллекцио-

нируют существ из народной мифологии, однако это было не так.

Темное сердце каждой сказки хранило в себе невероятное знание: *Существа* реальны. Много веков они жили бок о бок с людьми: одни сливались с толпой, скрывая свое звериное лицо, другие не таясь творили ужасные вещи.

Но где бы ни появилось *Существо*, следом за ним приходил охотник — один из тех, кто посвятил жизнь поиску и уничтожению самых опасных монстров. Не так давно, отдавая издевательскую дань нашумевшим сказкам двух братьев, этих охотников стали называть... Гриммами.

Насколько Кесслер знал, Денсво и не догадывался, что сидит сейчас бок о бок с одним из них.

Лодка качнулась: император спустился на борт. Полковник Молле проводил его величество на корму.

Невысокий, светлокожий, грузноватый Бонапарт не производил бы на окружающих никакого впечатления, если бы не внимательный взгляд глубоко посаженных глаз. Голову опального императора украшала знаменитая треуголка, но в остальном он был одет весьма скромно: в длинную черную шинель и белый жилет; через плечо тянулась белая же лента. Оказавшись на корме, он остановился, напряженно вглядываясь в туман, в надежде разглядеть ожидающих на берегу людей. Как император, Наполеон предпочел бы занять место на носу, но полковник уговорил его сесть на корме, опасаясь возможного выстрела с берега.

Выбраться с Эльбы с без малого тысячей ста гренадерами Бонапарту было несложно: корабли британцев и Бурбонов в этот момент находились слишком далеко. Гораздо труднее оказалось добраться до французского побережья: то и дело менявшийся ветер вынуждал флотилию постоянно корректировать курс. «Наш «Непостоянный» оправдывает свое название», — устало пошутил как-то император, узнав, что маршрут снова изменился.

Но пока корабли скитались по морю, на суше пошли слухи о скором возвращении Бонапарта. У врагов было достаточно времени, чтобы подготовиться, так что Молле не собирался рисковать.

Кесслер тоже вглядывался в туманный берег, одновременно страшаясь обнаружить там солдат Бурбонов и отчаянно надеясь увидеть хоть кого-то. У места высадки их вполне мог поджидать полк местного гарнизона, готовый дать залп по баркасу, как только он подойдет достаточно близко. Когда из тумана выступили темные фигуры, Иоганн невольно поежился — он не желал смерти ни императору, ни себе. Призраки на берегу обрели плоть... и оказались людьми Наполеона. Один из них подал знак, что берег чист. Кесслер не смог сдержать вздоха облегчения. Его спутники тоже повеселели, некоторые обменялись улыбками. Спустя десять месяцев они готовы были вернуться во Францию ради новых побед. *Vive la France!**

Наполеон обладал удивительной способностью вдохновлять людей, очаровывая все новых и новых последователей. Немец Иоганн Кесслер охотно поддался этому обаянию; то же случилось и с австрийцем Денсво, который занял должность советника императора незадолго до отплытия на Эльбу. Ходили слухи, что именно он убедил Бонапарта вернуться во Францию. Он и его монеты. Пока Кесслеру удалось лишь мельком взглянуть на загадочные амулеты, которые император все чаще носил с собой, но и этого короткого мгновения оказалось достаточно, чтобы заметить, как яркий блеск крупных золотых монет зажег отсвет в тусклых серых глазах Наполеона.

Это подтверждало теорию Кесслера — Денсво передал Бонапарту не простые монеты, а древние и могущественные артефакты. Созданные на одном из греческих островов в незапамятные времена, они сменили множество хозяев: Калигула любил перебирать их, как четки, а Нерон не расставался с ними ни на секунду. В последний раз их видели в Китае у одного из правителей династии Хань. Если Кесслер был прав и император сейчас перебирал в кармане те самые артефакты, его главная миссия была обречена на провал.

Рулевой отдал приказ, и гребцы заработали веслами. Баркас медленно направился к берегу.

* Да здравствует Франция! (*фр.*)

— Вон там оливковая роща, полковник, — Наполеон повернулся к Молле, указывая в глубь берега. — Встанем там лагерем и подождем, пока все наши люди не окажутся на берегу.

— Хорошо, мой император.

Выбранная Бонапартом роща на многих произвела гнетущее впечатление: старые деревья тянули к небу искривленные черные ветви с набухающими, но пока едва заметными почками. Однако императора это не смутило.

— Судьба благосклонна к нам! — провозгласил он, срывая с одного из деревьев едва зазеленевший побег и поворачиваясь к стоявшему у шатра Кесслеру. Тот едва не подавился галетой. — Оливковая ветвь — символ мира.

— Воистину так, мой император, — отозвался Иоганн, прокашлявшись. — Мир — это величайшее счастье.

— И я его не нарушу, — спокойно ответил Наполеон. — Мои солдаты не сделают ни единого выстрела, если их не станут к этому вынуждать.

Кесслер перевел взгляд на военных, мелькавших среди узловатых олив. Молле развернул боевое построение, заняв всю рощу, но противники не появлялись; предоставленные сами себе люди негромко переговаривались или отдыхали, опершись о стволы. Никто не знал, что их ожидало — поражение от армии роялистов или триумф и воцарение Наполеона.

Наверняка было известно лишь одно: Бонапарт действительно намеревался добраться до Парижа, не сделав ни одного выстрела. Бурбоны, занявшие его трон, будут загнаны в тупик — им придется открывать огонь первыми, но многие солдаты наверняка откажутся стрелять в бывшего императора. Людовик XVIII достаточно умен, чтобы понять: прикажи он атаковать Наполеона, и армия может восстать против него самого.

Взглядом приказав Кесслеру следовать за собой, император зашел в шатер, где на столе уже была разложена карта побережья. Опустившись на походный стул, Наполеон пальцем провел по линии дороги, ведущей к Греноблю.

— Вы собираетесь идти к Парижу кружным путем? — спросил Иоганн, поражаясь собственной дерзости.

— Да, — кивнул Бонапарт. — Если мы хотим избежать ненужных столкновений, лучше держаться горных дорог и двигаться в обход гарнизонов. На это понадобится время. Но именно оно нам и нужно, чтобы собраться с силами.

Кесслер провел при штабе достаточно времени, чтобы понять план Наполеона. Опальный император рассчитывал застать своих противников врасплох, удивить их внезапным возвращением во главе армии. «Они будут потрясены и не смогут действовать», — любил повторять он, когда начинались разговоры о французском походе. Пока Бурбоны будут скованы по рукам и ногам, пытаясь разобраться в ситуации, Наполеон привлечет на свою сторону народ Франции. Французы, возможно, и не простили ему отчаянное нападение на Россию и 700 000 погибших, но и в Бурбонах они тоже успели разочароваться. Новое правительство провалило все попытки восстановить экономику, поэтому все больше людей снова и снова возвращались в воспоминаниях к триумфу Революции, втайне мечтая об очередной смене власти. Почувствовав свободу, они больше не хотели возвращения монархии.

Смерть Жозефины в 1814 году стала для Наполеона жестоким ударом. Два дня он оплакивал возлюбленную, отказываясь выходить из своих покоев, а когда наконец снова появился в обеденной зале, невозможно было не заметить, как сильно изменила его потеря. В глазах императора появился странный блеск, им овладело нервное напряжение, которое сделало Наполеона восприимчивым к чужому влиянию. Именно тогда при дворе откуда ни возьмись появился Денсво. Пламенными речами и искусными словами он все больше распалял разум Бонапарта. А потом в ход пошли загадочные монеты.

Были ли они на самом деле монетами Закинтоса — артефактами, видевшими расцвет и крах Калигулы и Нерона? Положение Кесслера при «дворе» пока что не позволило этого выяснить. Официально он занимался поиском союзников для возвращения Наполеона среди немецкого дворянства: многим из них эрцгерцог Австрийский Карл

Людвиг, разгромивший «маленького капрала» при Асперне, досаждал своей несговорчивостью. Аристократы предлагали Наполеону свою помощь, не подозревая, что их письма читает Кесслер — агент эрцгерцога на Эльбе. Карл Людвиг ненавидел Бонапарта, а вот Иоганн Кесслер постепенно проникался к нему симпатией. Наполеон действительно был гениальным стратегом и полководцем — изгнание служило гарантией его безопасности. Если бы только можно было предотвратить побег! Но Кесслер узнал о нем слишком поздно — а завязавшаяся дружба с императором не позволяла ему предпринять сколько-нибудь решительные шаги.

Снаружи послышался топот копыт, и через секунду в шатер вошел Денсво. За его спиной спешивался один из маршалов армии Наполеона — Жан-Батист Друэ, граф д'Эрлон. Кесслер встречался с ним лишь однажды, но хорошо запомнил.

— Генерал Друэ! — воскликнул Наполеон, отвлекшись от карты и торопясь навстречу гостю. — Наконец-то! Вижу, вы смогли достать для нас лошадей?

— Часть из них еще в пути, император. С ними и ваша карета. Но их все равно слишком мало. Я слышал, с вами прибыла тысяча солдат...

— Не тревожьтесь об этом. Мы отправимся в Париж пешком, не торопясь и с мирными намерениями.

Наполеон вышел из шатра и тут же наклонился, чтобы сорвать фиалку. Любуясь цветком, он задумчиво произнес:

— Как рано в этом году на Антибы пришла весна. Еще одно доброе предзнаменование.

— Так вы не отказались от идеи пересечь Францию с букетом цветов вместо оружия и с улыбкой на лице? — мягко произнес Денсво. Его слова были исполнены иронии, но голос, когда он склонился перед императором, превратил ее в восхищение и одобрение.

— Оружие у нас будет, мсье, — решительно оборвал его Наполеон. — Но мы сделаем все возможное, чтобы не прикасаться к нему.

— Возможно, Бурбоны и позволят вам такую роскошь, милорд. Но их союзники намерены сражаться.

— Будем надеяться на мир и готовиться к войне. Теперь к делу, генерал Друэ. Нам нужно выбрать маршрут...

Наполеон излучал уверенность, но уверенность странно-го свойства: подкрепленную суевериями, знаками и предзнаменованиями, которые видел только он сам. В руках императора то и дело мелькали монеты, которые — на второй день марша Кесслеру наконец удалось рассмотреть их — действительно были древними артефактами с Закинтоса. Бонапарт оставил их без присмотра всего на пару секунд: положил на столешницу, чтобы достать из сундука очередную карту. Иоганн метнулся к нему — помочь, а на самом деле бросить изучающий взгляд на кругляши из желтого металла, тускло блестевшие на деревянной поверхности. Монеты полностью соответствовали изображению в гримуаре. Согласно записям, они были отлиты в восьмом веке. На одной стороне можно было различить свастику, древний символ удачи, который использовали на Дальнем Востоке, а вторую украшало изображение немейского льва. Кесслер мимолетно коснулся одной из них и тут же ощутил легкое покалывание в пальцах — как будто артефакты вибрировали от количества связанных с ними легенд. Ходили слухи, что монеты Закинтоса дают своему обладателю власть над умами окружающих, наделяя его обаянием и колдовской харизмой. Говорили также, что монеты отравлены, и яд этот постепенно превращает обаяние своего хозяина в безумие и отчаяние.

И все же, если хотя бы часть мифов была правдива, Наполеон мог использовать их, чтобы вернуть себе власть. Как агент эрцгерцога Карла, Кесслер был обязан этому воспрепятствовать. Как охотник-Гримм — тем более. Артефакту такого рода не место в руках Денсво — впрочем, как и в руках Бонапарта.

Но сейчас ему пришлось положить монету обратно на стол, стоило Наполеону поднять голову. Еще не время.

— Любопытные монеты, — заметил Кесслер, внимательно наблюдая за реакцией императора. — Греческие?

— Верно, — холодно бросил Бонапарт, поспешно пряча их в карман. — Греческие.

Легендарное везение императора подверглось первому испытанию уже на подступах к Лиону. Там его поджидала